

духовенству), «но или засмѣется, или приметъ васъ за душевно-больного, услышавъ ваши разсказы» о «грѣхѣ Адама и искупленіи отъ него людей смертью сына Бога» (Толст. «Обращ. къ духов.», стр. 46)... Такъ обычно аргументируетъ графъ: всюду у него лишь «душевно-больные», всюду у него лишь вещи, достойныя одного «смѣха»..., гдѣ только не хватаетъ его пониманія или даже маленькаго хотя бы желанія понять то, о чёмъ онъ пишеть... Кто вѣрить въ учение о «грѣхопаденіи Адама»..., «для такого человѣка требованія разума уже не обязательны» (стр. 31), какъ и для того, кто вѣрить въ «искупленіе рода человѣческаго кровью Христа» (стр. 32), «въ искупительную для людей жертву его смерти» (стр. 31)... Почему, однако...,—это могъ бы сказать только графъ Толстой, которому съ безконечно большими правомъ можно было бы отвѣтить, что совсѣмъ «не обязательны требованія разума» для тѣхъ, кто сколько-нибудь можетъ убѣждаться безтолковыми графскими рѣчами...,—для тѣхъ именно, а не для кого-либо иного. «Искупленіе грѣха Адамова» «кровью» Христовою Толстой ставить на одну линію съ такими бреднями, какъ та, что «Будда улетѣлъ на небо», что «Магометъ леталъ на седьмое небо» и т. д. (Т. «Христ. уч.», стр. 68... Ср. «Обращ. къ духов.», стр. 36 и др.)... Почему...,—однако,—это никому неизвѣстно. Не знаетъ этого, конечно, и самъ Толстой.

Несомнѣнно считая Господа нашего за своего личнаго врага (иначе не понять толстовскаго отношенія къ Спасителю), графъ не можетъ спокойно и сколько-нибудь приличнымъ не христіанину ужъ, а хотя бы культурному вообще человѣку, языкомъ говорить объ Его—Иисуса Христа—страданіяхъ и крестной смерти... «Богъ... наказалъ за» Адамовъ грѣхъ «всѣхъ людей, а потомъ послалъ своего сына... на землю съ тѣмъ, чтобы его тамъ повѣсили! Это самое повѣщеніе и служить для людей средствомъ избавленія отъ ихъ наказанія за» тотъ «грѣхъ»... (Толстого: «Неужели это такъ надо?» Изд. «Своб. Слова», № 45. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1901. Стр. 25). И языки, и догматствованіе—одно другого стоить! «Повѣсили», «повѣщеніе»...—и только! Господь и явился «на землю» «съ тѣмъ, чтобы Его повѣсили»—и конецъ! Коротко и просто..., но безконечно глупо. Или еще перлы толстовскаго «художественнаго» языка, толстовскаго «глубокаго» богословія: «1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то